

УДК 801.73

О ВКЛЮЧЕНИИ ТЕРМИНА «СОБЫТИЕ» В ДИСКУРС ГЕРМЕНЕВТИКИ

И.В. Соловьева

Тверской государственной университет, Тверь

В статье обсуждается возможность использования в дискурсе герменевтики термина «событие». Обсуждаются также вопросы уместности и его включения в терминологический аппарат герменевтики и то, каким образом содержание данного понятия изменяет свое содержание в новом для себя научном поле и о его возможном влиянии на совершенствование герменевтической методологии.

Ключевые слова: *герменевтика, событие, смысл, интерпретация, текст.*

Статья посвящена вопросу принципиальной допустимости введения понятия «событие» в терминологический аппарат лингвофилологической герменевтики в областях, связанных с исследованиями методологии деятельности реципиента при восстановлении неявно данных смыслов. Необходимость введения нового термина в состав научного инструментария герменевтики объясняется потребностями детализации герменевтических исследований. Отсюда задачей статьи является демонстрация того факта, что адаптация термина «событие» к метаязыку герменевтики продуктивна и не носит характера научного злоупотребления, каким могло бы быть перенесение этого понятия из одной области научного знания в другую без соответствующего обоснования.

Герменевтика способна соединяться с природными свойствами любого другого знания, и в качестве способа постижения смысла она «сплетается» с философскими и иными методами исследования, обогащает их и сама выходит на новый уровень, приобретая универсальный статус. В результате герменевтическая процедура предстаёт в качестве философской методологии потому, что универсальность рефлексивной интерпретации способна обеспечить синтез философских методов исследования на основе герменевтики и семантики. Пересечения терминологии гуманитарных и естественных наук могут настолько же объясняться общностью процесса получения научного знания, насколько разница в специфике приложения научных усилий обуславливает и различие в содержании схожих терминов. Дискурс герменевтического метода обладает сходством (в особенности в части анализа текста при интерпретации) с другими научными «дискурсами о реальности», поскольку является одной из разновидностей метаязыка, описывающего ход научного познания. Наши дальнейшие рассуждения направлены на то, чтобы продемонстрировать сходство научного метода между герменевтикой и любой другой отраслью научного знания; обосновать общность дискурса, терминологически оформляющего сходные по сути процессы, описывающие методологию получения научного знания; показать, что поиск смысла в герменевтике обладает методологически сходными с получением иного научного результата чертами; сделать вывод о том, что включение термина «событие» в герменевтический инструментарий представляется естественным и допустимым при условии его концептуального переосмысления.

А. Сокал и Ж. Брикмон в исследовании [5] определяют случайное и необоснованное использование терминов одних отраслей науки в других как злоупотребление. Наличие таких «небрежностей» в научном тексте способно поставить под сомнение не только содержание научных выкладок и рассуждений, но и результат того исследования, в котором они встречаются. Герменевтика адаптировала и активно использует понятия «интерпретация», «рефлексия», «импликация», «интенция», «понимание», «текст», «значение», «смысл» и т.д., которые принадлежат также научным дискурсам философии, логики, математики. Не существует (по меньшей мере, в настоящее время) полной кодификации научной рациональности, и авторы сомневаются, что она вообще может быть, так как рациональность всегда является приспособлением к новой ситуации. Однако развитые научные теории обоснованы определённой серией достоверных рассуждений, суть которых трудно оценить, не вдаваясь в каждый конкретный случай [цит. раб.: 52]. Попутно авторы описывают характер и путь научного познания как универсальный, а дискурс науки – как серию достоверных рассуждений, соответствующим образом оформленных терминологически. Получение научного знания характеризуется единством метода и часто представляет собой ситуацию, промежуточную по отношению к научному и обыденному познанию. Это, по мнению А. Сокала и Ж. Брикмона, касается многих отраслей науки, и чтобы проиллюстрировать эту мысль, авторы приводят в качестве примера полицейское расследование как деятельность, в пределах которой смешиваются научный и обыденный подходы к приобретению знания. Приведём резюме этого примера в качестве алгоритма научного познания, поскольку он может быть обращен в числе иных и на герменевтику.

В результате полицейского расследования почти никто на практике не усомнится в том, что найден виновный. Как правило, в наличии имеются так называемые «доказательства»: орудие преступления, отпечатки пальцев, признания, средство передвижения и т.д. Путь расследования сложен и протекает в условиях неполной информации. Следовательно, должен принимать решения (касательно следа, который нужно прорабатывать, доказательства, которые нужно искать) и извлекать промежуточные заключения. Почти всякое расследование сводится к тому, чтобы вывести ненаблюдаемое из наблюдаемого. Существуют при этом как рациональные, так и менее рациональные выводы. Расследование может оказаться плохо проведённым, или же «доказательства» могут оказаться сфабрикованными полицией. И никто не может дать абсолютную гарантию того, что получен хороший результат. Кроме того, никто не может написать окончательного трактата о «Логике полицейского расследования». Тем не менее, несомненно то, что некоторые (самые лучшие) расследования добиваются результатов, соответствующих реальности. Степень рациональности выводов при этом может быть разной, но чаще всего оказывается «вне всяких разумных сомнений» [5: 57–59].

Описанная процедура обладает признаками универсальности и может быть обращена в том числе и на герменевтику: в ситуации освоения неявно данного в тексте смысла интерпретатор идёт «по следам», извлекает свои заключения из косвенных признаков присутствия смысла, формулирует промежуточные и окончательные выводы, действуя в условиях недостаточной информации; основывает свои суждения на деталях из прошлого опыта; прихо-

дит к промежуточным заключениям на фрагментах линейного развёртывания текста; выводит ненаблюдаемое (смысл) из наблюдаемого (текста). Результат интерпретации соответствует реальности – в том случае, если он не был сфабрикован интерпретатором. Поскольку герменевт работает с текстами, где смысл дан непрямо, основной проблемой является достоверность интерпретации текста при усмотрении смысла. Вместе со смыслом текста реципиенту адресована и логика усмотрения. Имплицитный смысл обставлен уточняющими и указывающими на него процессами и процедурами, отсутствие которых препятствовало бы обмену мыслями и смыслами, так как в условиях отсутствия путей выхода к смыслу его трансляция невозможна. Импликация смысла предполагает и существование системы его индикаторов в художественном тексте, но вопрос о составе индикаторов, месте и способе их данности ещё предстоит решить. Исследование индикаторов, указывающих на присутствие имплицитного смысла, ведётся, например, в грамматике, где вывод о присутствии смыслов «субъективность – интерсубъективность – объективизация» ((inter)subjectivity, objectification) делается на основе «информационной структуры» (information structure) текста, т.е. грамматических форм [8].

Текст представляет собой структуру особого рода, которую П. Рикёр называет «структурой упорядоченного динамизма» и которая в целом либо в частях подвергается интерпретации. Такая идея текста представляет собой новый поворот лингвистики, инкорпорирующий как динамическое правило порождения, предполагающее компетентного читателя, так и опись элементов, характерную для «столь дорогой структуралистам» таксономии [4: 149].

Обсуждая вопросы динамики текста как того, что влечёт проблемы его интерпретации, П. Рикёр ссылается на «согласительную доктрину» Г. Гийома, чья теория морфологических систем является, по его мнению, видом порождающей грамматики: помещение слова в дискурс позволяет «закрыть» слово таким образом, что оно, в результате, приобретает способность относить нас к реальности, т.е. потенциал, свойственный слову как элементу системы языка, ограничивается условиями его окружения. Это соображение превращает науку о дискурсе и системах языка в науку об операциях, а не об элементах. В связи с операциональным характером дискурсивной деятельности Рикёр вводит термин «событие» и ставит его в ряд других характерных черт инстанции дискурса – выбора, новизны и соотносённости [цит. раб.: 146].

Заметим здесь, что связь между терминами «операция» и «событие» уже установлена в математической логике и в теории вероятностей, где эти понятия являются теоретическими аналогами реальных «объектов» и «связей» между этими объектами. Появление в тексте Рикёра обоих этих понятий представляется неслучайным. Отнесённость значения слова к реальности и установление связи между словами в тексте также может быть описано через понятия «события» и «операции»: «нельзя противопоставить друг другу два определения знака – одно как внутреннее различие означающего и означаемого, другое – как внешнее соотношение знака и вещи» [6: 146]. В связи с этим, следуя логике Рикёра, постараемся увидеть и определить то, каким образом введение в дискурс герменевтики инструментария, описывающего событийность и операциональность, может способствовать продвижению лингвистики в целом и герменевтики в частности в направлении понимания текста.

Обоснованное употребление термина «событие» в ходе лингвистического рассуждения предоставляет исследователю-герменевту дополнительные возможности воспользоваться в том числе и той логикой, на которой основана структура термина «событие», т.е. частью содержания понятий, принадлежащих теории вероятностей, где событие характеризуется как достоверное, случайное либо невозможное. В составе текста как динамической иерархической системы событийность может быть неотъемлемой частью любого уровня текстовой организации и иметь либо повторяющийся, регулярный, либо уникальный характер. Кроме того событие может иметь элементарную либо сложную структуру, а также рассматриваться как «противоположное» т.е. не возникшее в тексте там, где, по каким-либо причинам, ожидалось его появление.

Возникновение понятия «событие» в рассуждениях П. Рикёра не является дебютным в лингвистическом дискурсе. Переводчик реферируемого здесь труда Рикёра «Конфликт интерпретаций» замечает, что Ф.де Соссюр, описывая частные факты диахронического плана языка, характеризует их как события в системе: «факты синхронического плана суть отношения; факты диахронического плана суть *события* в системе» (цит. по: [4: 157]). Рикёр не определяет «событие», но из рассуждений автора становится очевидно, что в качестве события им понимается речевой акт: «... обмен между структурой и событием, между системой и актом постоянно возобновляется и усложняется» [4: 156]. Что именно является событием в пределах текста, зависит от того, какой из уровней текстовой организации находится в фокусе внимания исследователя. Динамика развёртывания текста, оснащённая процессами деятельности индивида – пониманием, рефлексией, интерпретацией, позволяет рассматривать событие в качестве своей неизбежной принадлежности. Следовательно, не только собственно текст, но и сопровождающие его понимание процессы рефлексии и интерпретации также характеризуются событийностью: «в художественном тексте практически всегда присутствуют зоны непонимания, из-за которых он и его Мир как обособленное текстовое пространство адаптируются к “чужой” социокультурной среде», при этом «временная дистанция между автором и читателем приводит к тому, что читательские (личностные) смыслы дополняют авторские смыслы» [3: 92].

Наиболее естественно и привычно, однако, термин «событие» встраивается в семиотику текста и теорию литературы. Понятие художественного текста тесно связано с понятием сюжета, основу которого составляет представление о событии. Ю.М. Лотман [2], обсуждая характерные признаки события в составе сюжета, ссылается на определение Б.В. Томашевским понятия фавулы: «Фавулой называется совокупность событий, связанных между собой, о которых сообщается в произведении. <...> Фавуле противостоит сюжет: те же события, но в их изложении, в том порядке, в каком они сообщены в произведении, в той связи, в какой даны в произведении сообщения о них».

Событие также принимается за мельчайшую нерасторжимую единицу сюжетного построения, которую А.Н. Веселовский определил как мотив. Ещё одно определение принадлежит самому Ю.М. Лотману, который полагает, что событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля. Следует вывод, что ни одно описание некоторого факта или действия в их отношении к реальному денотату или семантической системе естест-

венного языка не может быть определено как событие или не-событие до решения вопроса о его месте во вторичном структурном семантическом поле, определяемом типом культуры. Далее автор решает вопрос о квалификации события как такового и об отличии его от не-события. Лотман вводит это различие, учитывая, что в пределах одной и той же схемы культуры тот же самый эпизод, будучи помещён на различные структурные уровни, может стать или не стать событием. Структура сюжетного события может быть представлена в виде иерархии, поскольку, наряду с общей семантической упорядоченностью текста, имеют место и локальные, каждая из которых имеет свою понятийную границу. Следовательно, в масштабе сюжета событие может реализоваться как иерархия событий более частных планов. В этом смысле то, что, на уровне текста культуры, представляет собой одно событие, в том или ином реальном тексте может быть развёрнуто в сюжет, а один и тот же инвариантный конструкт события может быть развёрнут в ряд сюжетов на разных уровнях [2]. Проводя различие между событием и не-событием, Ю.М. Лотман обращает внимание на фактор яркости, необычности как нарушения нормы. В качестве примера, иллюстрирующего суть события, он проводит аналогию между понятиями «событие» и «происшествие», предлагая с этой точки зрения просмотреть раздел «Происшествия» в газетах разных эпох. «Происшествие – значимое отклонение от нормы (т.е. “событие”, поскольку выполнение нормы “событием” не является) – зависит от понятия нормы». Несмотря на «нарушение нормы» как характеристику события, собственно сюжет не представляет собой нечто независимое, оторванное от представлений о реальности. Сюжет органически связан с картиной мира, дающей масштабы того, что является событием, а что – его вариантом, не сообщаящим нам ничего нового [2].

Герменевтика до настоящего момента не оперирует термином «событие», хотя его помощью могут быть описаны многие герменевтические процессы и процедуры. Необходимость расширения терминологии, детализирующей состав герменевтических процессов, возникает по мере углубления в процесс усмотрения смысла. До настоящего момента герменевтика довольствовалась феноменологической идеей Гуссерля о наличии категориальной интуиции, обеспечивающей выход интерпретатора к смыслу. Гуссерль констатировал тот факт, что суждение с его структурой «обстояния вещей» (Sachverhalt) обуславливает наличие категориальной интуиции, которая является достаточным, хотя и неосознанным, инструментом деятельности по освоению смысла.

Идея ввести рациональный подход в процесс освоения смысла, сблизив герменевтику-науку с герменевтикой-методом, который пока отчасти схож с дивинацией, на определённом этапе развития отечественной филологической герменевтической мысли получила дальнейшее развитие в трудах по логике Г.П. Щедровицкого, где обрела форму трехслойной схемы системомыследеятельности, предлагающей логические основания для выхода к смыслу при понимании [7]. Г.И. Богин адаптировал эту логическую систему к процессу понимания текста и ввёл в лингвофилологическую герменевтику понятие фиксации рефлексии в поясах мыследеятельности. Это позволило уточнить категорию понимания в герменевтическом поле через систему фиксаций рефлексии. Рабочий вариант схемы мыследеятельности, предложенный Г.И. Богиным [1: 26], демонстрирует возможность усмотрения смысла как результат схемоти-

образующей рефлексии: постижение смысла представляет собой установление конфигурации связей и отношений, а также то, каким образом рефлектируемые процессы обретают форму и место фиксации в поясах мыследеятельности при поиске смысла текста. Эти положения – фундаментального характера, и герменевтике ещё предстоит найти ответ на вопрос «как это работает» и предложить гипотезы, на основании которых мог бы быть разработан некий претендующий на универсальность путь выхода реципиента к смыслу, данному в тексте неявно. Смыслы в тексте полагаются в современной герменевтике данными в составе содержательности, в пределах которой они слиты с содержаниями. Решение проблемы выделения смысла из состава содержательности может быть найдено на пути отнесения того и другого к разным типам событийных рядов в процессах понимания. Событие в составе процесса как событийного ряда приобретает своё содержание в зависимости от содержания самого процесса. К примеру, усмотрение смысла есть событие в составе процесса понимания. Фиксация рефлексии – событие в составе рефлексии, а интенция – событие в составе интерпретации. Выделение событий разного содержания в пределах каждого из процессов позволяет внести упорядоченность в пока ещё нестройную герменевтическую парадигму, где понимание, рефлексия и интерпретация могут быть представлены в виде событийных рядов.

События в составе процессов, однако, могут происходить лишь относительно объекта, на который направлена категоризирующая рефлексия. В составе текста событием-основанием герменевтических процессов, обращённых на текст, может быть взято слово, являющееся сложной единицей. Во внутренней связи текста на уровне слова «явно проступает обмен между процессом зарождения и структурой. Но чтобы корректно истолковать данную деятельность языка, необходимо мыслить, как это делал В.Гумбольдт, в понятиях процесса, а не системы, в понятиях структурирования, а не структуры» [4: 156]. Слово, по мнению П. Рикёра, должно выступать узлом всех обменов между структурой и функцией. Термин «событие» позволяет мыслить в режиме структурирования, а не структуры. Это влечёт создание новых систем интеллигибельности, поскольку слово находится на пересечении систем языка и речи, синхронии и диахронии, системы и процесса: поднимаясь в инстанции дискурса от системы к событию, слово поворачивает структуру к акту говорения. Возвращаясь от события к системе, слово сообщает ей случайный характер и лишает её сбалансированности, без чего система не сможет ни меняться, ни продолжать своё существование, т.е. слово «... привносит в структуру традицию, которая будет пребывать внутри неё вне времени»: проблема текста в части стратегии его истолкования есть проблема движения между системой языка, единицы которой «ничего не означают: они всего лишь потенциальные комбинации», и событийностью речи как «раскрытием языка», его «обнаружением» [4: 157–158].

Любое из событий, принадлежащих процессу понимания текста, может быть либо элементарным, либо сложным – в зависимости от точки зрения. Как и в теории вероятностей, «значение» и «смысл», взятые в качестве событий, могут быть представлены в виде либо элементарных, либо сложных конструкций. Например, реализация значения слова в контексте может квалифицироваться в качестве элементарного события, а восстановление смысла текста – в

качестве сложного. Усмотрение смысла обладает признаками суммы элементарных событий, поскольку смысл может быть восстановлен как на основе значения одного слова, так и на основании значений нескольких слов, входящих в контекст. Т.е. смысл можно определить через термин «событие» как сложное событие, которое может быть представлено в виде составляющих простых в пределах динамической структуры текста, и являться через значение слова или системы значений. Смысл может выступать в виде суммы простых событий, появление любого из которых имплицитно подразумевает присутствие смысла. При этом все реализованные значения могут быть на основании их смысловой непротиворечивости отнесены к множеству событий, взаимосвязи между которыми указывают на смысл.

Список литературы

1. Богин Г.И. Схемы действий читателя при понимании текста: учеб. пособие. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. 70 с.
2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_15.php (дата обращения: 31.03.2015).
3. Масленникова Е.М. Элиминирование текстового пространства в ситуации коммуникативной (не)равноценности // Вопросы психолингвистики. 2015. № 1(23). С. 81–95.
4. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с франц. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
5. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. 120 с.
6. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. М.: УРСС, 2004. 256 с.
7. Щедровицкий Г.П. Схема мыследеятельности: строение, смысл, содержание // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. культ. полит, 1995. С. 281–299.
8. Wal van der, Jenneke Information Structure (inter)subjectivity and objectification // Cambridge Journals Online / Journal of Linguistics [Electronic resource]. URL: <http://journals.cambridge.org/action/displayAbstract?fromPage=online &aid= 9478865&fulltextType=RA&fileId=S0022226714000541> (accessed at: 04.04.2015).

INTRODUCTION OF EVENT AS CONCEPT INTO DISCOURSE OF HERMENEUTICS

I.V. Solovyeva

Tver State University, Tver

This paper is devoted to the idea of due replenishment of hermeneutic discourse with terms already thought through within the fields of logic and mathematics. The reconsideration of terms belonging to probability theory in hermeneutic discourse is under discussion.

Keywords: *hermeneutics, event, meaning, text, interpretation.*

Об авторе

СОЛОВЬЕВА Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Тверского государственного университета, e-mail: ira_geger@mail.ru